

ДЖОШУА ФИШМАН

Сегодняшние споры между
примордиалистами
и конструктивистами:
связь между языком и этничностью
с точки зрения ученых
и повседневной жизни*

Настоящих споров между примордиалистами и конструктивистами в западной социальной науке еще не было. По крайней мере в том, что касается большинства вопросов на протяжении большей части XX века¹. Действительно, даже в XIX веке примордиалистами считались лишь относительно незначительные или второстепенные теоретики, обладавшие весьма ограниченным влиянием в своих странах: граф Жозеф Артюр де Гобино (1816–1882) во Франции, Людвиг Гумплович (1838–1909) в Германии, Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855–1927) в Великобритании. Даже тогда расистские высказывания вели к интеллектуальной изоляции, хотя термин «раса», конечно, имел у всех них различное значение.

При *конструктивистском* подходе социальные, политические, экономические и исторические процессы и условия считаются определяющим фактором при «конструировании» наций и этнических групп. Эти процессы и условия определяют характер и значение этничности и оказывают на нее определяющее влияние. В свою очередь *этничность* имеет различные определения, так или иначе связанные с особой локальной культурной иден-

* Joshua Fishman. The primordialist-constructivist debate today: the language-ethnicity link in academic and everyday-life perspective // *Ethnonationalism in the Contemporary World: Walker Connor and the Study of Nationalism* / Ed. by Daniele Conversi. London and New York: Routledge, 2002. P. 85–92.

Посвящается, с искренней благодарностью, участникам моего семинара о «Языке и этничности», прошедшего зимой 1999 года в Стэнфордском университете, где эта статья первоначально была представлена в качестве лекции и в общих чертах соответствовала своему нынешнему виду.

¹ Несколько раз «примордиалистом» называли и меня. Я отчетливо помню, что так меня назвал Эрнест Геллнер в 1976 году на конференции, на которой также присутствовал Уокер Коннор. После заседания он отозвал меня в сторону и, ссылаясь на мое выступление, спросил: «Что нового в мире идишь?» Полагаю, что этот ярлык использовался в основном потому, что мне очень хорошо удалось передать примордиалистскую точку зрения, а не потому, что я был ее приверженцем.

тичностью. Излишне говорить о том, что конструктивизм безраздельно господствует над социологическим воображением ученых. И такое господство основывается на необычном сближении Маркса, Вебера и Дюркгейма. Почти все ведущие социальные теоретики полагают, что вследствие возрастания рациональности и сложности современного общества социальные идентичности, основанные на «мифах» культурной самобытности и подлинности, становятся ненужными и неуместными.

И вызов этому господству был брошен только на двух фронтах: гуманитарных наук, а также культурной и политической «повседневной жизни» народа (Fishman 1999). Речь идет прежде всего о философии, религии, литературе, искусстве, музыке, фольклоре, этнографии, истории и их соответствующем отображении в большинстве средств массовой информации, журналистике, многих произведениях популярной культуры и публичном образовании. Это очень широкая область, которая включает в себя как высокую, так и низкую культуру. И до сих пор она сохраняет очевидную примордиалистскую ориентацию. Примордиалисты убеждены, что местная социокультурная реальность отмечена примордиалистской подлинностью, самобытностью, миссией и величием. Этот широкий диапазон взглядов по-прежнему сохраняет свое определяющее влияние на общественное мнение. Возможно, это влияние даже возросло в ответ на стандартизацию, глобализацию и массивфикацию экономико-технического и политического устройства.

Поэтому следует рассмотреть два основных типа «доказательств» и развитие аргументации по семи различным «фронтам». Каждое доказательство в отдельности кажется вполне убедительным. Причем сторонники обоих направлений никак не воспринимают свидетельства или доводы в пользу обратного. «Западный» ученый, конечно, может считать примордиалистские взгляды и убеждения противоречивыми, невежественными или самовлюбленными. Но социальная наука добилась бы больших успехов, если бы она занялась изучением содержания и социокультурных задач, связанных с такими представлениями. Открытый подход к ним больше способствовал бы нашему пониманию, нежели сохраняющееся и по сей день необдуманное их отрицание. Чтобы разобраться в этих представлениях, ученым для начала следует отнестись к ним со всей серьезностью, хотя бы для того, чтобы оценить их влияние и динамику.

Основная особенность связи между языком и этничностью

В примордиалистских кругах² связь между языком и этничностью зачастую считается незыблемой святыней, *materia sancta*, подтверждаемой Богом, ангелами, чудесными событиями, сочинениями, пророками и учениями, связанными с последними. Таким образом, она считается морально обязательной, неоспоримой и закрепляемой священными связями между поколениями обязательствами. Сохранение подлинной этнической идентичности кажется невозможным без традиционно связанного с нею языка. «Свидетельства» одновременного исчезновения в прошлом языка и этничности — от величе-

² О них подробно идет речь в работе: (Fishman, 1997).

ственных римлян и шумеров до немногочисленных обитателей острова Мэн и австралийских аборигенов — прекрасно известны и приводятся многими.

С точки зрения конструктивистов, имеется немало «свидетельств» того, что утрата традиционной связи с языком не приводила к утрате соответствующей этнической идентичности. Обычно в качестве примера приводится Ирландия после получения ею независимости: многие ирландцы говорят только по-английски, но все же считают себя ирландцами. То же происходит и в различных диаспорах: многие евреи, которые не говорят ни на идише, ни на иврите, по-прежнему считают себя евреями; в США многие англоязычные латиноамериканцы (например, проживающие в Нью-Йорке) по-прежнему считают себя латиноамериканцами. И в Испании многие говорящие на испанском баски по-прежнему считают себя басками (чего нельзя сказать о тех, кто говорит на каталанском языке). Очевидно, что каждая из сторон может найти — и находит — такие «свидетельства», соответствующие своим основным посылкам, и все время ссылаться на них. То, что для одного лагеря составляет извечную и необходимую связь, другому кажется всего лишь случайной деталью, без которой запросто можно обойтись.

Представления Гердера о значимости языка по-прежнему остаются привлекательными для народов, поздно начавших модернизацию (например, македонцев), в отличие от народов, прошедших через нее в конце XVI—XVII веках (например, французов и англичан). С точки зрения Гердера, традиционный *Volksprache* — это искра, от которой возгорается *Volksgeist*. В этом случае язык питает его при помощи подлинных источников, способствуя решению современных проблем.

Каузальные последствия подлинной связи между языком и этничностью

В соответствии с примордиалистским мировоззрением сохранение и дальнейшее развитие связи между языком и этничностью ведет ко вполне определенным и желательным последствиям. Последние зачастую описываются в терминах подлинности, моральной ответственности, культивирования традиционного величия и исполнения этнокультурной или этнорелигиозной миссии. С другой стороны, они очень четко связываются с определенными усилиями, направленными на решение конкретных проблем, вызывающих острую озабоченность. Считается, что язык служит основой, если не гарантией, величия и отличия тех славных исторических моментов и эпох, когда он используется. Решающее значение имеет самобытное вдохновение, восходящее к верности старым любимым языкам и идентичностям, независимо от того, насколько уважаемыми они были в прежние времена или ретроспективно воспринимаются в качестве таковых.

Однако, с точки зрения конструктивистов, отсутствие эмпирических подтверждений всех вышеперечисленных утверждений указывает на то, что языковая обусловленность этнокультурных особенностей контрфактична. Конструктивисты говорят об этом, несмотря на убедительную гипотезу, из-

³ См.: (Fishman, 1960).

ложенную лингвистом Бенджамином Ли Уорфом (1897–1941), и ее экспериментальное приложение³. Также весьма далека от эмпирического подтверждения и уверенность конструктивистов в том, что новые вызовы требуют новых ресурсов, идей, идеалов и вдохновения. Короче говоря, примордиалисты стремятся взять *desiderata* (ресурсы, идеи, идеалы, вдохновение) у древних святых, а конструктивисты надеются получить его, отказавшись от них.

Вызов эмпиризма

Нужно ли эмпирическое подтверждение указанных утверждений? Если да, то будет ли оно иметь решающее значение в вопросах, касающихся социальных воззрений, идентичности и поступков? Конструктивисты не устают отыскивать исторические и археологические изъяны в примордиалистских притязаниях на подлинность. Легко показать, что, не будучи основанными на *bona fide* находках и открытиях, такие «образцы подлинности» отражают лишь субъективные предпочтения и представляют собой искусственные и идеологически обусловленные реконструкции некоего неподлинного «воображаемого» мира.

С другой стороны, примордиалисты зачастую открыто признают, что их убеждения основываются на постулатах, которые не нуждаются в фактическом подтверждении, и, соответственно, стоят выше голой эмпирической правды. Они сразу же отмечают, что и наука имеет свои «основоположения» в виде общих принципов и убеждений: врачи убеждены, что жизнь стоит того, чтобы ее сохранить, а юристы уверены в том, что законопослушность лежит в основе цивилизованного общества. Примордиалисты утверждают, что предпочтение, которое они отдают «подлинным» моделям языка и этничности, ничем не отличается от ценностных моделей, используемых в конструктивистских исследованиях, или, во всяком случае, ничем не хуже их.

Особенно убийственным недостатком в глазах конструктивистов оказывается недостоверность этой «подлинности». Именно невозможность рационального обоснования идеальных моделей примордиалистов заставляет конструктивистов отдавать предпочтение тому, что происходит в современной эмпирической жизни. С их точки зрения, любовь, преданность и самоотверженный альтруизм на социальной арене нужны не больше, чем в области индивидуального взаимодействия.

«Тайная жизнь Уолтера Митти» и «Дикая утка» Ибсена: пропасть между идеальными мирами

Конструктивисты обвиняют примордиалистов в пустых мечтах о совершенно неправдоподобном, самодовольном и этноцентричном мире «Тайной жизни Уолтера Митти». Здесь непреходящий мир моральной преданности и созидания обретает свое самобытное воплощение, связанное с языком и этничностью. Однако примордиалисты точно так же отвергают холодно рациональные и доказуемые истины конструктивистов. Они видят в них лишь путь к постмодернистскому отчуждению от основополагающих социальных и культурных ценностей.

Обычно примордиалисты спрашивают: в чем смысл «освобождения от предрассудков»? Какую пользу может извлечь человечество из такого освобождения, если оно ведет к стандартизации образа жизни, утрате чувства гордости за самобытность своей истории, культуры и идентичности? Конструктивисты полагают, что малые языки и народы не обладают реальной значимостью в «мироустройстве». Но чем это лучше культивирования местного чувства собственного достоинства и идентичности? Малый народ может быть лишь пятнышком, кратковременной вспышкой на экране мирового рынка, но он по-прежнему может оставаться самим собой на все 100%. И он, скорее всего, будет двуязычным и двукультурным. Примордиалисты обвиняют конструктивистов в том, что они упрощают и обедняют человеческую жизнь, выступая за рыночный подход к решению всех человеческих проблем.

Трагедия утраты языка и комедия заикливания на «бесполезных языках»

Антропология и социология, наконец, признали действительную обоснованность кошмара примордиалистов: народы, утратившие свой исторический язык и традиционно связанную с ним этнокультуру, испытывают на себе мучительный опыт пребывания «между жизнью и смертью». Они утрачивают свои сложившиеся представления о нравственности, добродетельной жизни, преемственности поколений, значимости прошлого, настоящего и будущего, заслуженного места в более важном замысле. Такая утрата происходит задолго до того, как происходит полное изложение, усвоение, установление и осуществление нового самостоятельного образа действий и нормативных ожиданий. Но, несмотря на этот печальный сценарий, конструктивисты не устают предсказывать приход дивного нового мира единых рынков и тесно связанных мегаценностей, мегакультур и мегаязыков. Они не устают вопрошать: «Сколько народов и языков нужно современному миру?», «Сколько он может себе позволить?» Они озабочены в основном количеством языков и культур, в которых мир «действительно» нуждается или которые может «действительно» поддерживать. И, по их оценкам, количество таких языков и культур значительно меньше, нежели существует ныне. В основу оценки итоговых результатов при таком «рыночном» подходе положены собственная выгода и ожидаемые положительные последствия от увеличения масштаба. Об этом восторженно рассуждали западные интеллектуалы по крайней мере со времен Римской империи (Fishman, 1977). Тем не менее религия, искусство, музыка, литература и философия последовательно отказывались соглашаться с такими оценками, считая их признаком вырождения.

Цена этноязыкового многообразия и плюралистический мир

На протяжении полувека парламент Европейского союза следовал принципу «полного языкового равенства» на государственном уровне для стран-членов. Дания, как и намного более крупные Франция или Германия, вправе была выступать и слушать выступления во время заседаний парламента в Страсбурге на своем государственном языке. Этот порядок сохранялся в течение

весьма продолжительного времени во взаимодействии между первыми двенадцатью странами-членами с девятью языками, используемыми в работе парламента. Но с принятием тринадцатого, четырнадцатого и пятнадцатого государств (Австрии, Швеции и Финляндии) действие этого дорогостоящего механизма было «временно» приостановлено. Поскольку число стран, стоящих в очереди на вступление, еще более велико⁴, никакие новые языки в этот перечень, скорее всего, не войдут. Такой исход кажется еще более вероятным в отношении следующих шести стран, готовящихся к вступлению в ЕС (Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия и Турция). И даже в этом случае перечень европейских государств будет неполным: своего часа с нетерпением – или недовольством – ожидает еще дюжина европейских государств: Исландия, Албания, Швейцария и страны бывшего Советского Союза (Белоруссия, Молдавия, Армения, Грузия и т.д.) и бывшей Югославии (Македония, Хорватия, Босния, Сербия – вместе с Косово и Черногорией или без них).

Конструктивисты почти не сомневаются в том, что ЕС в конечном итоге неизбежно возьмет курс на сокращение числа действующих языков. Ведь уже при нынешних девяти языках требуется осуществление семидесяти двух вариантов перевода. ЕС может пойти в более избирательном направлении, но, возможно, не таком, какому ранее отдали свое предпочтение Совет Европы, Организация Объединенных Наций и Лига Наций. Что может быть лучшим подтверждением того, что даже наиболее богатая часть сообщества наций не в состоянии позволить себе полное сохранение этноязыкового многообразия, существовавшего в ней до сих пор? И дело даже не столько в организационных расходах на услуги переводчиков, сколько в возможном усилении междоусобиц, которые обычно порождает этноязыковое многообразие. И, наконец, отсутствие языковой однородности ведет и к вполне материальным последствиям, выражающимся в более низком ВВП на душу населения.

Если дело обстоит так в более модернизированной и однородной Европе, то каким должно быть тогда положение в куда менее однородной Африке, Азии, Латинской Америке и Океании? Примордиалисты отвечают, что такие затраты не нужны, и приводят весьма убедительные доводы (Fishman 1991). Но об этом ответе либо не знают, либо, если знают, пропускают его мимо ушей. Таким образом, неприятие рациональных эмпирических данных свойственно не только примордиалистам.

В действительности государства склонны обращаться с примордиалистскими заявлениями к тем, кто обладает большим влиянием (то есть при обращении к более крупным и сильным государствам и межгосударственным органам), а с конструктивистскими – к тем, кто обладает меньшим влиянием (при введении в действие закона в менее крупных и более слабых политических образованиях). Так, Франция призывает к совести цивилизованного мира, стремясь защитить свой язык и культуру от монолита английского языка, но не выказывает никакой терпимости, когда бретонцы, окситанцы и эльзасцы заявляют о своем выживании, сталкиваясь с монолитом французского языка.

⁴ Уже завершены переговоры о вступлении в ЕС Кипра, Чехии, Эстонии, Венгрии, Мальты, Польши и Словении.

Что может быть лучшим подтверждением того, что спор между конструктивистами и примордиалистами связан не столько с основными аналитическими и философскими позициями (например, борьбой эмпиризма с романтизмом), сколько с переменчивыми представлениями о собственной выгоде?

Какая помощь нужна «опоздавшим», а какой они хотят?

Из примерно 5000 языков, существующих в мире, лишь несколько сотен сегодня используются для выполнения задач, связанных с образованием. Но из этих нескольких сотен языков большинство стало выполнять такие задачи только в прошлом столетии. Примордиалисты выступают за оказание помощи этим «опоздавшим» в деле поиска места под солнцем на уже переполненном пляже образования. Они надеются, что такое место позволит избежать исчезновения в XXI веке многих тысяч менее крупных и более слабых языков. Знание социолингвистики особенно необходимо для того, чтобы помочь «опоздавшим» создать диглоссические двуязычные механизмы в образовании, от которых во многом может зависеть длительность существования последних.

Однако такой способ решения проблемы кажется конструктивистам неубедительным. Если «опоздавшим» и следует помогать, то помощь нужно оказывать в экономике, промышленности и торговле, а не в вопросах языка. Последняя, по их мнению, приводит к обратным результатам с точки зрения действительных нужд «опоздавших». И вновь следует отметить склонность конструктивизма недооценивать обогащающий потенциал многоязычных культурных механизмов. Многоязычные общества с двумя, тремя, четырьмя и даже большим числом языков, используемых в различных целях (светских и религиозных, современных и традиционных), рассеяны по всему земному шару и прекрасно существуют веками и даже тысячелетиями. В большинстве случаев именно небольшие и слабые языки научились создавать и поддерживать такие механизмы. И при этом они смотрят на мир сквозь призму примордиализма, когда дело касалось их собственных идентичностей.

Два различных Weltanschauungen

Разлад между примордиалистами и конструктивистами зачастую описывается в виде борьбы между чувствами и разумом, идеологией и знанием. Иногда его рассматривают как противоборство между ориентацией на прошлое и ориентацией на будущее или между консерватизмом и современностью. И все же, возможно, лучше считать его борьбой между плюралистической и монистической идеологиями и противостоянием сепаратистских и объединительных устремлений. Обеими сторонами (а не одной или другой, как принято считать) движет определенный моральный императив, образ лучшего мира, к которому они стремятся (Fishman, 1972). На научном уровне им соответствует другая оппозиция: с одной стороны, сверхнаучные ценности, связываемые с различными человеческими культурами; с другой стороны, производительность и экономика. Причем у обеих позиций есть свои горячие сторонники и свои исследователи.

Чтобы облегчить страдания народов, лишенных государственности, и языков, лишенных институциональной защиты, конструктивисты выступают за создание новых идентичностей в соответствии с логикой поглощения более крупными и более благополучными экономическими объединениями. Достижение этой цели возможно благодаря использованию международных вспомогательных языков, включая, в конечном итоге, общемировой английский. С точки зрения конструктивистов, такова судьба многих «неконкурентоспособных» народов/этнотосов и языков.

Примордиалисты не обязательно пренебрегают рыночной экономикой или глобальным сообществом, но они больше верят в изменение языка на местном уровне с рациональным приложением усилий по языковому планированию (Fishman, 1991). В социолингвистике языковое планирование принимает формы статусного планирования (нормализация) и корпусного планирования (разработка и стандартизация)⁵. Именно статусное планирование получает львиную долю признания, благодаря которому становятся возможными функциональная модернизация и развитие корпусного планирования (Fishman, 2000). Отказ от шагов, которые кажутся примордиалистам монополистической властной игрой и авторитарным внутренним колониализмом, представляется конструктивистам губительным, нецивилизованным, отчаянно глупым и вызывающим опасные центробежные тенденции.

Довольно любопытно, что современный мир унаследовал обе указанные традиции: последовательное расширение и замкнутое самоопределение. И обе они весьма сильны в своем противостоянии друг другу, что видно из ряда этнонациональных конфликтов и сложных ситуаций. Конструктивистские представления в основном распространены в университетской среде, по крайней мере на Западе, а примордиалистские представления — преимущественно среди неблагополучных общин. Но и в западном мире примордиалистские представления завоевали определенное признание в университетах, особенно в беспокойные времена. Их совершенно особые и несопоставимые мотивационные основания и риторические традиции слишком долго мешали их совместному анализу и изучению — предприятию, важность которого долгое время отстаивал Уокер Коннор (Connor, 1994).

Слишком долго обе эти точки зрения рассматривались с различных сторон: конструктивизм связывали с «внешним объективизмом», а примордиализм — с «внутренним субъективизмом». Наблюдение изнутри имеет продолжительную и плодотворную историю и в антропологии, и в феноменологической психологии. Оно требует, чтобы исследователи культивировали «эмическое» состояние, позволяющее рассматривать, изучать и оценивать народы в соответствии с их представлениями о самих себе. В этом отношении бесценным материалом служат взгляды писателей, поэтов, священников, фольклористов, журналистов и философов. Этнокультурам необходимо значительно больше знать о том, какими их видят другие, но им также необходимо знать о том, какими они видят самих себя и какими они видят других.

⁵ Статусное планирование состоит в исходном выборе языка, включая усилия, направленные на совершенствование номенклатуры. Корпусное планирование заключается в обеспечении его работы и кодификации норм, то есть создании грамматик и стандартизации орфографии.

В этом отношении, как прекрасно известно Уокеру Коннору, гуманитарные науки и этнография вносят огромный и до сих пор не оцененный по достоинству вклад. И не потому, что они обладают более широкой перспективой или истинностью, а потому, что они дают совершенно иную перспективу, более «теплое» представление об истине как о народной «мудрости». Поэтому они не заслуживают того, чтобы ими пренебрегали или подвергали необдуманному высмеиванию. Чем большее признание получит этот вклад, тем проще будет считать примордиализм и конструктивизм альтернативными стратегиями, доступными всем культурам и используемыми ими приобретении и использовании своих собственных переменчивых представлений обо всех связанных с ними и определивших их создание факторах и условиях.

Споры между примордиализмом и конструктивизмом могут больше и не казаться западным ученым насущным вопросом, подобно ценности религии и существованию бога, но они по-прежнему определяют жизнь, надежды и мечты обычных людей во всем мире. Как неоднократно говорил Уокер Коннор, именно отсутствие мужества мешает ученым признать, что эти споры и их последствия все еще не утратили своей значимости.

Перевод с английского Артема Смирнова

Использованная литература

- Connor W. Ethnonationalism: The Quest for Understanding. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.
- Fishman J.A. Systematization of the Whorfian hypothesis // Behavioral Science. 1960. №5. P. 323–339.
- Fishman J.A. Language and Nationalism: Two Integrative Essays. Rowley: Newbury House, 1972. Reprinted in its entirety as part of Language and Ethnicity in Minority Sociolinguistic Perspective. Clevedon: Multilingual Matters, 1989. P. 105–177 and 269–367.
- Fishman J.A. Language, Ethnicity and Racism // Georgetown University Roundtable on Languages and Linguistics, 1977. P. 297–309. Reprinted in Language and Ethnicity in Minority Sociolinguistic Perspective. Clevedon: Multilingual Matters, 1989. P. 9–23.
- Fishman J.A. Reversing Language Shift: Applied and Theoretical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Clevedon: Multilingual Matters, 1991.
- Fishman, J.A. Inter-polity Perspective on the Relationships between Linguistic Heterogeneity, Civil Strife and Per Capita Gross National Product // Journal of Applied Linguistics. 1991. №1. P. 5–18.